

Дмитрий Костюкевич

ДОРОГА
ВСПЯТЬ

сборник фантастических рассказов

Дмитрий Костюкевич Дорога вспять. Сборник фантастических рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29827777

ISBN 9785449039262

Аннотация

В этой книге семнадцать фантастических рассказов. Капля юмора, щепотка хоррора. Холод космического вакуума, дрейфующих льдин и сердец. Большинство рассказов объединены темами любви и одиночества. Одним из воплощений любви становится страсть, которой одержимы писатели и режиссёры, солдаты и учёные. А одиночество... в конце концов, в этой вселенной одиноко всё человечество...

Содержание

Предисловие	5
Дорога вспять	9
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дорога вспять

Сборник фантастических рассказов

Дмитрий Костюкевич

Иллюстратор Адам Шерман

© Дмитрий Костюкевич, 2018

© Адам Шерман, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3926-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В каждом человеке – целый мир. В нём рождаются и погибают цивилизации, расширяются вселенные, зажигаются и гаснут новые звёзды. Мир внутри брестского писателя Дмитрия Костюкевича многогранен и необычен. Он абсурдный, невероятный, местами странный и страшный, но всё равно притягательный. Обычный с виду парень, наш современник, хороший человек, верный друг, любящий муж и заботливый отец создаёт свои вселенные, которые могли бы потягаться с фантазиями величайших фантазёров прошлого. Но Дима не эгоист, он приглашает тебя, читатель, в путешествие по своим мирам. И эта книга становится билетом на межпланетный, межмировой экспресс.

Значительное число представленных здесь рассказов (уж не знаю, умышленно или нет) объединены двумя общими темами. Темами любви и одиночества.

Любовь толкает солдата будущего на смертельно опасное паломничество. Недостаток любви заставляет искать её замену в суррогатах семейного тепла, которое предлагает своим гражданам новый вариант «идеального» общества. Потерявшие всё космонавты продолжают жить воспоминаниями, в которых живёт надежда, грусть и... любовь. Любви подвержены все. Даже Дьявол. В одном из рассказов сборника Повелитель тьмы, манипулируя человеческими душами, про-

никается сочувствием к своим подопечным, а в другом сам не может устоять перед чарами этого чувства. Любовь испытывают даже грозные боевые танки, орудия войны и уничтожения. Одним из воплощений любви становится страсть. Чаще всего это страсть творчества и созидания. Ею одержимы писатели и режиссёры, представленные на страницах книги. Страстью разрушения охвачены солдаты. Страстью знаний – учёные, исследователи и изобретатели.

Другая грань произведений этой книги – одиночество. Одинок уже упомянутый здесь, ищущий благословения солдат. От куда более страшного одиночества страдает советский полярник, дрейфующий по холодному морю на передвижной полярной станции. Одинок путешественник между мирами, который в попытке убежать от прошлого, силой мысли создаёт новые реальности. В конце концов, в этой вселенной одиноко всё человечество. Недаром несколько отличных рассказов здесь посвящены теме контакта человека с неземным разумом. Несмотря на встречу с другой цивилизацией, люди всё равно чувствуют себя неуверенно по сравнению со своими звёздными гостями. Где-то в силу страха и предрассудков, где-то из-за глупости и ограниченности. Своей или инопланетной. О космическом одиночестве пел ещё Дэвид Боуи, и здесь она открывается во всей красе, предлагая читателю две, на мой взгляд, неоспоримые жемчужины сборника – рассказы «Вальс привычных витков» и «В иллюминаторе».

Все эти темы подаются в сборнике «Дорога вспять» по-разному. Серьёзно, абсурдно, с юмором, с грустью или так, что после прочтения по спине бегут холодные мурашки. Но в чём я точно не сомневаюсь, уважаемый читатель, тебе не будет скучно.

Как бы странно это не звучало, но хорошая фантастика всегда должна быть реалистичной. Иные авторы, обладая великолепной фантазией, не могут убедить читателя в реальности происходящего, отчего их произведения воспринимаются, как сказки для взрослых, способ хорошо и с интересом провести время, не более. Дмитрий же создаёт эффект полного погружения в текст. На страницах книги тебя ждут ожившие ледяные люди, водяные, домовые и огромные богомолы, кинофильмы, снятые при помощи машины времени. Архитектура пришельцев, которая является социальной сатирой на жизнь людей. Много-много чего ещё. И всё это воспринимается, как отражённая на страницах реальность. Что-то само собой разумеющееся, что отлично вписывается в мир произведения, не заставляет снисходительно усмехнуться и покрутить пальцем у виска. На этот эффект работает всё – прекрасное владение словом, лёгкий язык, внимание к деталям, мастерское погружение в атмосферу, достоверные диалоги и технические детали.

Моё вступление, читатель – это всего лишь необходимая процедура. Скучная лекция стюарда о том, как правильно закреплять ремни безопасности. Дальше нас ждёт только по-

лёт сквозь время и пространство. Путешествия в реальности, которые любезно открывает для нас Дмитрий Костюкевич, обычный человек, внутри которого – целый мир. Добавлю лишь то, что «Дорога вспять» – это любой путь. От одного шага до бесконечности световых лет. Любая дорога – это испытание себя, способ открыть заново свои возможности и свою личность. Дорога вспять – это дорога к себе.

«Though I'm past one hundred thousand miles, I'm feeling very still» – если снова обратиться к творчеству Боуи. Хотя я и нахожусь на высоте сотен тысяч миль, я спокоен. Какой бы далёкой не была для нас «Дорога вспять», она не пройдёт даром.

Евгений Абрамович

Дорога вспять

Брод с облегчением окунулся в сырость окопа. Сбросил с плеча матерчатый мешок со снаряжением, словно отшвырнул усталость долгого пути.

Отдышавшись, подошёл к западной огневой позиции.

К пылающему горизонту протянулась узкая улочка, по обе стороны которой теснились осколки зданий. Возле покосившегося фонарного столба лежал на боку дамский «Фольксваген», выгоревший до черноты, похожий на погибшего в жестяной банке жука. Асфальт под ним осел и растрескался. От второго этажа одного из домов остался лишь ломаный клык внутренней стены, торчащий из плиты, словно гномон огромных солнечных часов; из разбитой витрины валил густой дым. Эти чёрные клубы могли коптить небо месяцами – очаги гнева Белой Королевы. Как давно она здесь побывала?

Брод прошёлся по периметру окопа, останавливаясь у каждой огневой позиции. Во все четыре стороны открывался вид на сквозящие обречённостью, однотипные картинки: огрызки домов с выгоревшими внутренностями, трупы техники (на севере из разлома торчал хвост вертолёт с винтом, похожим на завядший трилистник), изувеченный асфальтовый покров, будто кожа истязаемого, над которым потрудились паяльной лампой.

Вокруг окопа лежали связки веток, не слишком плотные –

в самый раз для обзора сквозь просветы. Очень удачное место – прямо на перекрёстке. Странно, что Сосуны не свили в яме гнёздышко.

Окоп, скорей всего, вырыли на месте воронки, расчистив её от бетонного крошева, углубив и расширив.

Мужчина присел, достал трубку, кисет и, набив практически до краёв табачную камеру, поднёс ко рту загубник. На губах – подсохшие язвочки.

Выдыхая дым через ноздри, он позволил себе погрузиться в некое подобие опрометчивой нирваны. Даже прикрыл глаза, оставив под надбровьем узкие щёлочки. И лишь пэв-винтовка на коленях намекала на готовность откликнуться на суету окружающего мира. В узловатом теле пучкового оружия можно было увидеть полимерную ящерицу, способную защитить хозяина даже без симбиоза с его руками.

На дне ямы блестели стреляные пулемётные плазмпатроны, солнечные лучи взрывались на их круглых боках яркими брызгами.

Через дюжину минут Брод открыл глаза, обхватил двумя пальцами чубук трубки и выбил её о колено. Пэв-винтовку он перекинул через плечо, оправил короткую куртку, опушённую термомехом, стряхнул крошки табака со штанов из влагонепроницаемого материала. Замер. Неподвижно сидел, прислушиваясь к звукам улицы: далёкому треску огня, разочарованному гулу ветра, общему безмолвному напряжению, которое мозг сепарировал в тихий звон колокольчиков

(почему-то серебряных).

Его внимание привлёк миниатюрный песочный бархан рядом с брошенным мешком. В нём угадывался контур сваленной в кучу одежды. Но это была не одежда – мужчина готов был поставить на кон последнюю флягу коньяка.

Подноском ботинка он ткнул бархан и с явной неприязнью поворошил. Увидел, что и ожидал. Снятую, как костюм для глубоководного ныряния, человеческую кожу. Только её не сняли, аккуратно отделив от мышц и мяса, а опустошили – высосали «мякоть» тела, перемолов кости, раздавив в пюре сердце, смешав лимфу, содержимое желудка и кашу из хрящей. Работа Сосуна. Брод опустил ногу. Где-то в складках этого ужасного костюма из кожи была треснувшая маска лица, через которую Сосун «испил» человека, после того, как пробил бивнем хобота череп и пустил в пищевод наногрызунов, чтобы размягчить трапезу.

«Уж лучше бы они поедали несчастных целиком, всё лучше, чем наткаться на подобное... и не привыкнешь к такому – наверное, не надо... иначе начнёшь смотреть на живых, как на будущие карнавальные костюмы...»

Сбивчиво думая, Брод выбрал из стенки ямы несколько жменей сухой земли и присыпал жуткие останки. Потом беспомощно взглянул в небо, с ветхой надеждой такого рода, что живёт единственно ради одного – она нужна, хоть горсть, хоть капелька конденсата, без неё никак, иначе – ствол в рот и спокойной ночи.

И нигилистическое небо преподнесло сюрприз.

Брод стоял в оцепенении, боясь моргнуть. Спугнуть.

Но ещё не верил.

Он смотрел на опускающийся корабль. Нет, слишком мал для корабля – баркас.

А потом, забыв об осторожности, начал взбираться на бруствер.

Шлюпка расплавленной свинцовой слезой падала с неба.

*

– Привет, милый.

– Привет, незнакомка.

– Получишь за «незнакомку»? Сильно занят?

– Глазею на приборы, отдаю ботам команды. Но сейчас временный штиль.

– Брод, я ни черта не смыслю в твоих Порталах.

– И не надо.

– Зато кое-что смыслю в кулинарии.

– Бобо, не принижай свои достоинства. «Кое-что» – это сказать «моросит» на ураганный ливень.

Она улыбается. Для этого не надо включать видеофон. Его девочка улыбается, и это прекрасно. Как тепло любимой ладони за секунду до прикосновения. Неизбежное, лимонно-рассветное.

– Сегодня я собираюсь разобраться с крабами.

– Где достала? – искреннее удивляется Брод.

– Сабина угостила. Ей кузен привёз.

– Это тот киборг-экспедитор?

– Ага.

– Крабы...

– И?

Брод улыбается, широко и неосознанно, забыв, что такой ответ она сейчас принять не может.

– Так что скажешь? – требует акустической реакции Бобо.

– Будет замечательно. Я прихвачу бутылку вина.

– Белого сухого.

– Выучил наизусть. Подними ночью и отправь за вином – на консоли продларька выбью шифр с закрытыми глазами.

– Лишний раз напомнить – не помешает. Прошлый раз ты принёс «Мартини». А до этого какую-то сладкую шипучку.

– А есть разница между «Мартини» и белым вином?

– Брод, получишь!

– Очень на это рассчитываю.

– Ай-ай! Где же романтика?

– Сдаю в начале смены.

– Я пожалуюсь твоему начальству.

– Этот старый хрыч с ума сойдёт от твоего голоса. Пожалей своего мужчину.

– Я подумаю.

– О. Это так великодушно, госпожа.

– Так тебя ждать к восьми?

– Непременно. Если вы разрешите поужинать с вами.

– Запрос принят. С удовольствием.

– Я люблю тебя, милая.

Секунду-другую Бобо молчит. Только импульсы произнесенных слов носятся по оптоволоконным каналам.

– Я должна тебе кое-что сказать...

– Не сейчас, милая. Давай дома.

– Хорошо.

– Я скоро буду.

– Жду. Крабы тоже.

– Звучит заманчиво. Но сначала я съем тебя.

Бобо смеётся.

Смена догорает последними минутами, и этот смех – будто ещё не прозвучавший сигнал зуммера об окончании рабочего дня. Брод улыбается в трубку. Умертвляет линию.

А потом всё заканчивается. Смена. Эпоха равновесия Земли. Жизнь. Мечты.

Слишком поздно для всего. Об этом кричат сирены над городом. Даже когда катера и парапланы Изгоев навсегда покидают небо над Байройт-Финстернис, чтобы испариться в проснувшихся гигаваттных лазерных лучах наземных батарей. Даже когда осколки последней бомбы намертво вплавляются в асфальт и разрушенные строения.

– Он проснулся? – спросил полковник Рум.

– Не совсем, – ответила женщина-врач. – Кратковременное повторное пробуждение.

– Выглядит неважно.

– Довольно сносно, после двух местных лет в том аду. понадобилось лишь частичное обновление организма.

– Репарация клеток?

– Ни к чему. Есть невосстановимые изменения мозга, потеря многих сегментов памяти – но это, скорей всего, след «первобытной» криоконсервации.

– Вы подвергли его гипнодопросу?

– Да. Записи в нише. Но его сновидения частично заглушили, перекрыли полученную информацию.

– Он видел сны под гипнозом?

– Такое случается. При особо сильных воспоминаниях.

– Откуда он?

– С Земли.

– Бог мой, ты уверена? То есть, это его родина?

Врач склонилась над мужчиной на кровати, мазнула по сухим губам витаминной помадой, ввела в вену кубик синеватого раствора, после чего бросила шприц в ванночку со стерилизатором.

– Да, он там родился. Больше века назад по стандартному времени.

Какое-то время они слушали, как работает корабельная центрифуга, вкладывая смысл в такие понятия, как «верх»

и «низ». Впитывали тяжёлое молчание космоса, царапающее обшивку.

Клипер «Ртуть» дрейфовал над Пурпурной Дланью, планетой, на которой разведывательная шлюпка подобрала мужчину. Тот даже успел спасти сержанта Марселлуса Клая от нападения кошмарной твари. Сосуна, как назвал её землянин.

Чья-то спасённая жизнь.

Очень облегчает контакт.

Как поручительство невызревшей смертью.

*

Марселлус понимает, что происходит, с небольшой задержкой. Как ответ ученика, которого подстёгивают меловые зарисовки учителя.

Сержант ступает с аппарели баркаса на планету. Приветствует поверхность толстой подошвой. И лишь спустя удар сердца замечает направляющий луч лазера левее своего плеча, струной протянувшийся за спину.

Остронаправленный пучок электронов высокой энергии вспарывает застоявшийся воздух. Марселлус наблюдает за происходящим с завроженностью престарелого дирижёра, у которого артрит украл руки. Автомат в его руках – всего лишь эмблема, рудимент.

Он видит стрелка – узелок на конце желтоватой нити ла-

зера, и сразу – резкий бросок взгляда через плечо – нападающего монстра.

По каналу, созданному лучом, проскальзывает ещё один пучок частиц – и в теле огромной улитки, с которой словно содрали панцирь, образуется вторая дыра. Её моментально заволакивает бурая слизь. А следом неизвестный стрелок – спаситель! – поливает полудохлую тварь каскадным ливнем из лептонов. И где-то в оседающем месиве сержант метит взглядом ужасный бивень и что-то похожее на глаз.

За этим он наблюдает, распластавшись по каменистому грунту, по радиосвязи приказав учёным оставаться в шляпке.

И когда мужчина выбирается из-за руин и идёт навстречу, Клай не берётся за гашетку автомата, он – вскидывает руку. Машет. Благодарит.

*

История следующих двух недель – до того, как «Ртуть» завершит свою паломническую миссию на планете, и растворы криопротектора попадут в камеры, навязывая людям пустые сны на долгие годы полёта по выбранному маршруту – в основном история разговоров. Пинг-понг вопросами и ответами, невысказанными признаниями и просочившимися сквозь поры слов фактами.

Они рассматривали Брода – как ископаемое, человека

в янтаре. Обскубанную ножницами пожухшую статейную вырезку со странной и невероятной человеческой судьбой. Он их – словно насмешку, клейкий подарок судьбы. Дополнительный рейс, подпёрший боком платформу ночного метро, – садись и не спрашивай о станции прибытия.

Как и все промежуточные истории, эта – о прошлом. Её можно дробить до бесконечности, отвлекаясь на второстепенных персонажей и ветвящиеся туннели возможных событий.

Ваше время столь же ничтожно, как и бесценно, поэтому мы лишь пробежим по галерее. Смотрите на красочные мазки. Или закройте глаза.

– Вы видели Белую Королеву?

– Чувствовал. Скорее так...

– Что она *такое*?

– Я не знаю.

– Она мертва?

– Она вне жизни... Я шёл в её процессии. Два дня. Маршировал с призраками.

– Зачем?

– Я говорил с ней. Пытался. Но она ничем не могла помочь мне, помочь Бобо... или не хотела.

– Кому помочь?

– Моей девочке... не согласилась даже передать несколько слов...

Он так давно не называл никого другом, что трудно сдержаться. Даже если стоишь на зыбком фундаменте. Марселлус рядом, и от этого проще делиться с остальными крупной своего прошлого.

Брод сидит в комнате с погашенными видеоустройствами и иногда говорил. Иногда слушал.

Капитан Реккед. Полковник Рум. Руководитель паломнической группы Анква Дрю, женщина с медными волосами.

И сержант Клай – в углу. Его глаза – рука на плече Брода. Поддерживающая, ждущая вечера и бесед тет-а-тет в каюте землянина.

Обрывки разговоров. Ключки дней.

– Я покинул Землю при первой возможности. Отправился с группой по установке демо-Портала...

– Это ведь было давно. Век с мелочью назад по стандартному времяисчислению. Вы знаете?

– Я не считал.

Трап языком падает с потолка. Ещё одна тень – новый слушатель. Над козырьком смотровой площадки в чёрный атлас впаяны звёзды.

– Сколько раз вы подвергались криоконсервации?

– Два. Или три... Три... на Радиусе-Нью всех заморозили во время бунта. Девяносто процентов погибло из-за внутриклеточного льда.

– Вы были на рудниках?

- Получается так.
- Зачем?
- Чтобы где-то быть...

*

Скачок в научно-техническом развитии полуторавековой давности изменил не только структуры вокруг человека, но и самого человека. Преобразование в постчеловека стало привлекать всё большие массы, не стеснённые финансами и не страшась на тот момент значительного риска при мехимплантации и допрограммировании. А потом пошло-поехало.

Кибриды, киборги и биотехи на 2245 год составляли сорок три процента всего населения старушки Земли, которая уже успела обзавестись детьми и внучатами в других Солнечных системах.

В некоторых городах человеку невозможно было снять даже номер с обычной кроватью и капсульной ванной: ежи розеток, грозди кабелей под нейрошунты, жилы оптических каналов, стационар ингаляционной продувки механизмов, терминалы подключения к инфоблокам Интерспейса и аккумуляторные спальные стояки – таков усреднённый облик жилья постчеловека.

Байройт-Финстернис был городком старого образца, «людским», как выражалась Бобо. А его северная окраина

и вовсе напоминала коттеджную застройку конца XX – начала XXI веков. Одно- и двухэтажные домики с удобствами, от которых любой биотех пришёл бы в ужас и устроил себе короткое замыкание. Зелёным насаждениям вдоль улиц и за пределами посёлка позавидовал бы и заповедный Царь-Лес. А как величественна и своенравна была река Майн. Только виадук транспортной линии, ведущей прямо к промышленному комплексу «НОЛЬинк.», посягал на отшельничью красоту этой зоны.

Брод пользовался стареньким турбоциклом на магнитной подушке.

В тот день он несётся домой, как безумный, но его опережают: время, смерть.

*

Трюм «Ртути» ждёт. Контейнеры с молитвословами и церковными записками «О здравии» и «О упокоении». Но больше всего – корзин с бумажными огрызками и пластиковыми сиротами. На них пощёчины слов: просьбы и призывы, поклоны и слёзы. Адресаты: не миры с затасканным христианством, а планеты-загадки, планеты-кляксы, туманности-мифы, там, где Бог – в малиновом или чёрном, со щетиной рогов или в капельках воды. Где-то. В чём-то.

Возможно, новая религия.

Возможно, дарующий надежду убийца.

Что-то неизведанное.

Просьба с закрытыми глазами, всхлип последнего имени.

Когда перебрал все звенья чёток, остаётся перебирать облака... или клочки угарного дыма.

Записки со словами... к любимым богам и любимым землям. В нескольких экземплярах. Посеять на кочках галактик. Пожалуйста.

Пурпурная Длань с Белой Королевой. Рог Да и его Прозрачные горы. Стигматические животные и кровавые гейзеры на Спутнике Ктул'Ху. Радужное Дерево над галактикой Стопа Хонсу...

Люди ещё не смогли понять эти миры, но уже научились просить, умели *всегда*.

Клипер погружается в мезосферу, проныривает стратосферу, на антиграввах оседает к коже Пурпурной Длани. Без огня – со свистом, словно весёлый морячок, возвращающийся домой.

Стрелки на шкалах дрожат ресницами. На экранах рубки видны увеличенные монстры, выползающие из своих гнёзд. Разбуженные свистом посадочных устройств.

Брод комментирует:

– Сосуны пребывали в спячке – другого объяснения у меня нет. Первые месяцы, после крушения баржи, их не было. Только мы, уцелевшие и предоставленные руинам странных городов, до боли похожих на земные. Но затем жирные убий-

цы выползли на поверхность и перебили остатки группы...

Анализаторы молчат. Они собрали скудный урожай данных.

Белая Королева – остаётся мифом, фигурой из снов и слов Брода. Группе пора двигаться дальше. Нести свою пальмовую ветвь в другие места, с сердцем, татуированным несчастьем, или помадой радости на губах. Группа паломников летит своим путём. Они вряд ли увидят родные места. А если и да – планеты состарятся и испепелят всех, кого они любили и знали. Криоконсервация в долгом путешествии – прощание. Отряд охраны, медперсонал и экипаж «Ртути» в том же положении, и всё, что они приобретут в конце – заслуженные кредиты на счетах. Остальное они тоже потеряли, отправившись в путь. Возможно, терять было некого. Если подобрать фальшивые слова.

И последнее, что делают люди – частично опорожняют трюм. Записки тех, кто пожелал послать в далёкий космос только слова.

Клипер скользит над планетой.

Брод смотрит в иллюминатор. Солнце этого мира вылизало его кожу до глянца.

Контейнеры и корзины летят вниз. Мусор надежды. Сокровенная мертвецов с меткой креста.

Кто-то говорит: аминь.

Он врывается в дом, ударяется о край тумбочки, но не замечает этого. Бобо в гостиной. Слева от двери. Но сначала его взгляд ловит другую картину.

В разбитом окне что-то торчит: чёрное, цилиндрическое. Сустав лапы исполинского насекомого? Срубленный ствол дерева?

Потом он видит клапан, судорожный изгиб какого-то пускового устройства... Баллон уже мёртв, ему нечего больше отдавать. Он не сочтется ядом, он – брошенный на пол окровавленный нож.

Лишь потом Брод узнает кошмарные подробности, горсть колючек и лезвия болезненных воспоминаний: о второй волне бомбёжки, парапланах Изгоев с затаившими ужасное дыхание баллонами, сбросе химических монстров, наполненных смесью хлора с фосгеном – дикая аллюзия на ипрские события, когда за несколько минут немцы выпустили на свободу почти сто семьдесят тонн хлора...

Это будет потом. В жизни ПОСЛЕ.

Брод опускается на колени.

Бобо мертва.

Слова теперь имеют объём. И плотность. Умирующие на губах, но не требующие жизни в звуках – пухнувшие в голове.

Бобо мертва. Два слова; Брод не может избавиться от них и поэтому пытается уместить в себе. Он задыхается. Эти

несколько секунд. Эту вечность.

Два слова занимают всё его тело, выдавливают из лёгких воздух, распирают изнутри. Но всё равно не помещаются, как бокастый чемодан в загруженном рундуке.

Он даже не может плакать – сначала надо принять, поверить. Потому что придётся потом, если обманешь себя сейчас. Он знает это. Он ненавидит ожидание, почти так же, как смерть.

Он сворачивается и закрывает глаза. Тело любимой рядом. На расстоянии выдоха. Он бы почувствовал тепло её дыхания – тёплое облачко, – если бы она дышала.

Если бы.

В темноте больше места. Можно попробовать. Там страшно, но страх – направляющие.

Бобо мертва. Он принимает это. И плачет. Тихо. Слёзы текут, сохнут, вплавляются в кожу, – и тяжёлый груз слов скользит внутрь.

И тогда он открывает глаза и воет. Глаза Бобо смотрят на стену. Но уже не видят её. Возможно, что-то другое. На глазах – свинцовая глазурь. Рот открыт. Глянцевая серо-чёрная кожа. Заполненные жидкостью лёгкие...

Возможно, у неё был шанс выбраться. Но на виске рана. Осколок стекла? Бобо пыталась поползти до двери...

Брод сгребает: эти руки, ноги, голову. К себе. Накрывает их, содрогается над ними, будто стены сырого склепа над прахом.

Приходит утро.

Такое же бездыханное и холодное. Он не ждал его. Но выбора у него нет.

*

– Изгой отняли её у меня... Я столько не успел ей сказать, столько сделать. Я испробовал всё. Спиритизм, подпольные духовидческие камеры... Не одна религия или магия земли не могла хоть на секунду вернуть мне голос Бобо.

– Конгломерат уже не воюет с Изгоями.

– Я тоже не воюю. Только со смертью. Нет... я готов молить смерть на коленях, любую из её личин: о встрече, шансе... потерянном прошлом.

– И поэтому вы покинули Землю?

– Да.

– Искать шанс?

– Искать Бобо.

– Что случилось при установке первого Портала?

– Вы ведь знаете, Рум. Как и остальное. Вытянули это из меня во сне.

– Полковник...

– Клай, не вмешивайся! Брод?

– Хм. Я сбежал. Планеты системы Туркка оказались столь же беспомощны, даже их хвалёные монахи. Затем я нанялся на ближайшую космобаржу – и попал на рудники. Я

зарабатывал на билет до Пурпурной Длани пятнадцать лет...

*

– Мы летим к туманности Радужного Дерева, – сказал Клай. – Кто знает, возможно, там... говорят, люди слышат голоса ушедших.

– Я и так живу с голосами. Но, спасибо, Марселлус.

– Наша последняя остановка. Перед *домом*.

Брод облизывает губы. Когда-то ожидание убивало его, теперь – стало смыслом. Спутником.

– Последняя остановка, – повторяет он без выражения. – Я сел на нужный корабль.

Потом дыхательное окно криокамеры закрывается, и сухой воздух с парами жидкого азота холодит кожу.

*

Город искалечен. Он ждёт толпу – куда без неё? – чтобы засвидетельствовать свои раны, травмы.

Улицы превратились в разрытые канавы. Вспоротые запястья. Дома – в осколки каменных зубов. Площади больше нет, её вычерпали, и раскидали бомбы.

Но пока здесь нет зевак. Только медицинские службы и спасатели в центре котлована – туда пришёл самый большой удар. Спасать там некого.

Пролёты виадук рухнули на посёлок. Те деревья, что не смело взрывами, – чёрные кряжи, залитые пеной. Но больней смотреть на одиночек, которые ещё горят, съеживаются в пламени, высасывающем последнюю влагу...

Брод бросает турбоцикл у развороченного и забитого генераторного колодца. Турбина старенькой «Yamaha Royal Star 9300» продолжает выть. Едва уловимый хлорный запах повсюду, вдалеке ещё видны клубы желтовато-зелёного дыма...

Сирены не зовут – стонут.

Небо отвернуло своё шелушащееся гарью лицо.

Улицы обработали спиртосодержащей жидкостью, дегазаторы по-прежнему шумно кружат над руинами и стонущей землёй, стягивают и раздают атмосферную влагу поливочные шары. Тел на поверхности немного, их скрыл лом и стелющийся дым, как наводнение накрывает машины и лавочки. Наверное, так лучше.

Их дом стоит практически целый. В этом месиве из земли и бетона. Охранная система среагировала на взрывную волну и включила по периметру силовое поле, которое приняло на себя удар, остановило осколки и пламя. Продержалось с минуту – этого оказалось достаточно, чтобы строение не превратилось в обугленное решето, но полностью не спасло.

Долговязый тополь срезан наполовину, его ампутированная часть висит на коре и щепе. Полимерная черепица у воз-

духовода оплавилась от горящей плюхи. Но их дом цел. В окнах – даже блестят стёкла. Почти все.

Первая волна – бетонобойные разрывные и фугасно-зажигательные бомбы. Одна упала на главную улицу в трёхстах метрах от дома. Это спасло его, комета смерти лишь коснулась хвостов. Следующая – в реку, которую вскипятила и выплеснула из берегов.

А потом Изгои принялись скидывать баллоны с хлором...

Один из них угодил в окно гостиной. Дом уцелел, отделавшись царапинами. Бобо не стало.

Грусть этих строк наполняет лёгкие...

*

Просыпаться – всегда страшно. Потому что уже свыкся, сон – твой дом. Даже если в нём стеклянные стены и пустота помех.

После криоконсервации тебя стережёт боль атрофированного тела. Всегда. Её конура рядом с твоей камерой, и когда открываются двери и стравливаются растворы – бренчит цепь. Её клыки на твоей коже, в твоих мышцах. Очень много клыков.

Секунды. Долгие. Пока препараты и механизмы не освободят тебя от проникающих и непроникающих кроипротекторов. Займутся эфемерной оболочкой, стонущей, с боем

принимающей тебя обратно.

И ты говоришь первое слово. Новорождённый в новом уголке бескрайней Вселенной.

Камера повернулась горизонтально. Брод увидел через веки медовый свет.

– Бобо...

*

Когда Финансовый Шторм XXII века надругался над экономикой европейских и американских государств, вынеся на берега бедности обломки малых и больших предприятий, небывалая безработица перезапустила старые акценты средневекового христианства.

Сначала на первый план выступили непродолжительные войны, хозяйственные и политические изменения, преобразования ведущих государств (Китай, разбитый ядерным «градом» за столетие до этого, давно выбыл из игры, как муха под скрученной газетой).

Предупреждение Уинстона Черчилля, сделанное им когда-то (вы помните?): «Каменный век может вернуться на сияющих крыльях науки».

Церковь ждала своего часа. Епархии, монастыри, храмы поднимались на поверхность, будто жёлтые черепа чудовищ из песков времени. Кровь, нищета и страх собирали ко-

лоссальную аудиторию. А потом, когда занавес упал, и сил на укус или хотя бы оскал уже не осталось, мир увидел нового человека – человека христианского, раболепного и сломленного, вернувшегося духом и меропрятием на несколько веков назад.

Власти, опираясь на жилистые руки самодовольных пап и прелатов, запустили жестокий механизм возрождения: выхода из шторма. Вначале заработали механизмы Антикризисных Корпораций с их уродливыми заводами, над которыми небо делалось венозно-чёрным от дыма. Миллионы добровольных рабов, готовых на всё ради куска хлеба и конуры. И, несмотря на новые рабочие места, – миллионы, оставшиеся безработными, подышающие в отбросах и нечистотах. Первый этап новой-старой религии – христианства, проповедующего негативную сущность образа человека. Бедные Иовы XXII века. Общество с идеалом труда, как наказания. Голография Христа-Пастыря.

Иная альтернатива – смерть.

Кто знает, была ли другая дорога? Но время шло, мощности росли, условия труда улучшались. Поредевшее человечество выкарабкивалось из могилы, несмотря на края ямы, размытые потоками пота и крови. На авансцену ступил человек – проекция божественного образа, способного продолжить на планете созидательную деятельность и обрести тем самым своё спасение. Труд, как созидание, искупление.

Но это общество оказалось ещё более жестоким – оно вы-

талкивало убогих, больных, безработных, не предоставляя ни малейшего шанса. Разрушенная антропологами легенда о лакедемонских детоубийствах – зеркало той реальности. Даже добровольная праздность каралась ударом энергетического кнута. Его держали руки сильных мира сего.

Человечество скачками продвигалось вперёд, научно-технический прогресс шагал семимильными, наращивалось старое, исследовалось новое. И в какой-то момент после создания самовоспроизводящихся машин и успехов в сфере энергосинтезирования технологическая сингулярность перестала быть футурологической гипотезой. За считанные десятилетия космос утратил образ беспощадного океана, каким он видится человеку в исхудалой лодке.

А потом Земля перестала быть человеку единственным домом. Но не скинула паразитирующую церковь со своего загривка. Миллиард бродяг, калек и безработных были выдворены за пределы Солнечной системы на космобаржах и депортационных шатлах и брошены на планетах «третьего сорта» с запасами самого необходимого. «На первое время».

Они не умерли. Не исчезли бесследно. Они стали Изгоями.

Среди них было немало бывших учёных, военных и инженеров. И они смахнули с головы корону из терний, встали на ноги и взялись за проекты и строительство, чтобы другие могли позже взяться за оружие.

Баллоны с хлором...

...падают на развороченную первой волной бомбардировок улицу, на уцелевшие и разбитые дома...

...и воздух не в силах их остановить, если только не уплотнится до льда...

*

Он стонал. Уже в своей кровати.

Снова сон. Маленький по сравнению со сновидениями в криокамере, но такой колючий.

– Я могу подкорректировать вашу память. Избавить от боли воспоминаний.

Врач рядом. Халат, над которым горят серые глаза. Женские руки с уродующими парапетами вен.

– Как?

– Это довольно просто при теперешних технологиях. Терзающее воспоминание изымается и переносится в другую область, контакт со стрессовыми точками разрывается.

– Нет...

– Это абсолютно безопасно.

Он схватил её за локоть. Довольно болезненно, но она даже не вскрикнула, загипнотизированная искренним ужасом – не гневом, – расплескавшимся в покрасневших глазах мужчины.

– Не смей, – сказал он, рот подёрнуло судорогой. – У меня

больше ничего не осталось...

*

Туманность Радужное Дерево находилась на высоте 0,83 парсека над плоскостью галактики Стопа Хонсу. Корабли-колонизаторы, направленные в Стопу Хонсу из ближайшей обжитой галактики, нашли пригодными для жизни (с доступными реконструкциями) четыре планеты первой и второй фаланги – по две в каждой. Неслыханная удача!

После освоения и «капремонта» был подан запрос на Землю – сердце Конгломерата – на размещение Портала. Красота и загадка Радужного Дерева сулила выгодные туристические туры, а жителям Новы, Эксмы, Шпагата и Фаетона – часть прибыли и открытие торгового Нуль-пути.

Транспортник с инженерами, конструкторами и монтажниками на борту, готовыми на месте возвести «Окно» из содержимого трюмов, отправился из Млечного Пути в Стопу Хонсу. Секрет порталов Конгломерат держал в строжайшем секрете, и поэтому далёкая звёздная система замерла в ожидании новых возможностей. Но туристов хватало и без джантинирования. Из галактик-соседей потянулись корабли с зеваками.

Не дожидаясь помощи с Земли, сенатор Шпагата развернул программу подготовки. Его распоряжениями под малиновую реку, спадающую, несмотря на абсурдность и проти-

воречие законам физики, из ветвей туманности, был отбуксирован астероид, на котором возвели города с автономной системой снабжения всем необходимым.

После начала посещений Карниза – кольца из грибовидных обломков вокруг туманности – появились новые загадки. Радужное Дерево играло с метрикой пространства-времени, как котёнок с клубком ниток. Некоторые туристы исчезали, другие молодели или старели на глазах, третьи – слышали голоса из прошлого, голоса мёртвых.

Когда транспортник с Земли добрался до цели – тридцать пять стандартолет – на Фаетоне уже как два стандартогода свершилась революция. После вспышек ретрочумы и беспорядков к власти пришли бандитские кланы.

Такой информацией обладал экипаж «Ртути» на момент отлёта от Красной Длани. Анабиоз скрыл от них почти двадцать лет истории освоенного людьми космоса. И теперь они черпали из инфоканала, ставшего доступным после входа в Стопу Хонсу, пригоршни свершившихся событий.

Никто не хотел заходить в тёмную пещеру, не прочитав таблички у входа.

*

В смотровом куполе Радужное Дерево рассеивало свет раскинувшихся под ним звёзд. Оставалось только удивляться, как скопление пыли и газа может образовать такую при-

чудливую и завораживающую форму.

– Он так и не вышел из каюты?

Полковник Рум покачал головой. Морщины вокруг его глаз напоминали татуировки.

Капитан проверил реверс тяги, повернулся к креслу собеседника.

– Вы разрешите ему сойти на планету, если санкционируют посадку?

Полковник устал, он – старый спецкостюм, увешанный штрих-пластинами. Он обещал своим внукам Будущее, но успеет ли? Страшно вручать Будущее таким же, как и ты, старикам. Можно состариться даже молодым, в тридцать, в сорок. Жизненный опыт наполняет вагонетку твоего тела тяжестью, режет морщинами-трещинами. Этот мужчина, Брод – он тоже знает про это...

– Он не пленник.

– А кто? Гость?

– Хватит вопросов.

– Клай с ним?

– Каждый вечер.

Полковник вздохнул, зашторил глаза. Теперь – действительно хватит.

*

Изгибаясь на лету, малиновая река падала с кроны Радуж-

ного Дерева и, буравя силовые вихри и всполохи, достигала опоясывающего туманность Карниза. Словно сияющий призрак, раскручивающий вокруг талии каменный обруч. Затем река неправдоподобно медленно бросалась в пропасть космоса, к следующему каменному препятствию – скованному гравитационными полями астероиду, всегда готовому подставить сказочному потоку свою спину. Там она растекалась в небольшое озеро и словно иссякала.

– Смотри внимательней, – посоветовал Марселлус Клай. – На волны.

Брод смотрел. Минуту, вторую, ища странность, на которую намекал голос сержанта, высматривая какое-то неведомое существо или необъяснимую форму гребня, цвет перелива. Тщетно. Он уже собирался спросить: «Что я должен увидеть?», когда понял. Это было очевидно.

Малиновая река текла снизу вверх. Бежала к «листве» Радужного Дерева, минуя Карниз, пенясь алмазной крошкой. Водопад, несущийся вспять.

Брод не нашёл слов. Как и сил оторваться от иллюминатора. Бобо бы понравилось... И если Сатурн с его поверхностной пляской температур – резервация грешников, то пусть здесь разместится рай. Рай рукотворный, кем-то, когда-то.

*

Орбитальное сканирование астероида транслировало

унылые картинки.

Посадочные шахты оставались доступны лишь в Смерше. Космопорты двух других мини-городов были завалены – трупами и уничтоженной техникой, а шахты засыпаны песком. Это больше всего поразило Марселлуса: не мертвецы и следы бойни – песок.

– Ты глянь, колодцы они завалили, – поцокал языком сержант. – В такие по три линкора влезет...

– Роботы? – предположил Брод. – Бульдозеры-автоматы?

– Может, и так. Один чёрт, впечатляет. Никогда такого не видел.

– А тела?

– Этого вдоволь.

Марселлус ещё раз глянул на закупоренные шахты и отодвинулся от смотровой панели. Брод покачал головой:

– Я не про то – что там произошло?

– Бойня. Переход власти от губернатора к преступным группировкам.

– Изгой?

Сержант как-то странно посмотрел на Брода, прошёлся вдоль переборки, сел на место и принялся жадно пить чай.

– Нет. Крысы в стенах Конгломерата.

– Люди?

Марселлус невесело усмехнулся.

– А Изгой – кто? Черви?

– Я хотел сказать...

– Покопайся в инфоканале, теперь есть доступ. – Вид сержанта говорил: разговор закончен. – Там всё есть – про этот астероид, галактику, насилие и метафору власти.

Брод повёл пальцем по краю стакана.

По поверхности жидкости пошла рябь.

– Чёрт, – сказал Марселлус, когда Брод стал свыкаться с тишиной. – Наверное, я тебе даже завидую.

– Чему?

– Белым пятнам в голове. Политическому дальтонизму. Когда для того, чтобы не стрелять, необязательно видеть правильную эмблему на груди человека напротив.

Брод хотел что-то ответить, но замер, глядя в пустоту.

– Братва дала «добро», – сообщил по интеркому капитан. – Идём на снижение.

– Когда?

– Уже! Быстро в кровати!

Брод торопливо устроился в противоперегрузочном ложе и подтвердил готовность. Марселлус не спешил (знал Реккеда очень хорошо – корабль не начнёт посадку, пока все не будут готовы): допил остатки холодного чая, снял тяжёлые ботинки и долго ёрзал в нише, лукаво поглядывая на сетчатый «рот» интеркома, прежде чем сказать компьютеру: «Готов». Капитан снёс издевательства молча.

Корабль медленно развернулся, начал проседать, словно тонущий континент, а потом, набрав скорость, нырнул в окошко силового поля и какое-то время спустя приземлил-

ся на астероид, терраформированный трудом ветра и человека.

*

В посадочной шахте корабль держали почти сутки.

Это время Брод провёл в библиотеке. Ввёл в инфоканал запрос «Бобо» и тупо просматривал заголовки ссылок, бегущие по панели. В нишах переборки услужливо ждали пластины e-ридеров.

Наконец бандиты, контролирующие Фаетон и Шпагат (и в довесок астероид под Радужным Деревом), спустили «рукав» и подняли экипаж и пассажиров «Ртути» на поверхность.

Главное здание космопорта производило убогое впечатление. Пятнало взгляд заплесневелым кафелем и атмосферой убежища.

Четверо вооружённых революционеров презрительно осматривали мужчин «Ртути» и гнилозубо лыбились, щупая выбоинами глаз женщин. Свои взгляды они синхронизировали с движением стволов и сопел оружия.

Полковник Рум с сержантами стоял впереди, в трёх метрах от приставленных надзирателей, остальные устроились на полу и грязных массажных скамейках. Крысы, загнанные в угол большой залы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.